

БОРИСА И ГЛЭБИ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ

Вениамин Бычковский

Час пик

Международный фестиваль Бориса и Глеба

Вениамин Бычковский

Час пик (сборник)

«Интернациональный Союз Писателей»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

Бычковский В.

Час пик (сборник) / В. Бычковский — «Интернациональный
Союз Писателей», 2019 — (Международный фестиваль Бориса и
Глеба)

ISBN 978-5-00153-017-6

«Час пик» переживал каждый человек – это время толчеи в метро, в транспорте, в движении по центральным улицам города, и это стало уже привычным, но всегда беспокоит, раздражает, волнует. Мы физически ощущаем в часе пик большую опасность, мы не знаем, как поведут себя люди, окружающие нас, как мы поведем себя. Но этот «час пик» мы еще можем как-то объяснить, а вот непредсказуемость в судьбе, когда тоска вдруг превращается в тревожное ожидание встречи, а желание новой жизни ощущается с такой остротой, что кажется – это чудо совсем рядом, надо только увидеть его и ты сразу узнаешь свой «час». Но в окружающем нас пространстве другие законы, где увидеть, рассмотреть, а тем более понять, просто невозможно. Еще труднее найти свой чудесный след внутри нашей жизни, которую мы ведем, внутри этой такой мещанской, такой бездуховной эпохи, при виде этих дел, этой политики, этих людей! А то, что в редкие часы радости бывает с нами, то, что для нас блаженство, событие, воспарение, – это мир считает почти за сумасшествие. И мы опять невольно погружаемся в мир, где всё та же давка, где приходится толкаться, пока не случится час обретения или час потери... Другими словами, всё тот же «час пик», которому и посвящена эта небольшая книга, где собраны сюжеты, в которых, смею надеяться, есть противоядие от всякой фальши.

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

ISBN 978-5-00153-017-6

© Бычковский В., 2019

© Интернациональный Союз
Писателей, 2019

Содержание

Секрет	9
Час пик	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Вениамин Бычковский

Час пик

© Вениамин Бычковский, 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019

* * *

Молитва благоверным князьям Борису и Глебу

О двоице священная, братия прекрасная, доблии страстотерпцы Борисе и Глебе, от юности Христу верою, чистотою и любовью послужившии, и кровью своими, яко багряницею, украсившиися, и ныне со Христом царствующие! Не забудьте и нас, сущих на земли, но, яко тепли заступницы, вашим сильным ходатайством пред Христом Богом сохраните юных во святей вере и чистоте неврежденными от всякаго прилога неверия и нечистоты, оградите всех нас от всякия скорби, озлоблений и напрасныя смерти, укротите всякую вражду и злобу, действием дьявола воздвигаемую от ближних и чуждых. Молим вас, христолюбивии страстотерпцы, испросите у Великодаровитаго Владыки всем нам оставление прегрешений наших, единомыслие и здравие, избавление от нашествия иноплемennых, междоусобныя брани, язвы и глада. Снабдевайте своим заступлением страну нашу и всех, чтущих святую память вашу, во веки веков. Аминь.

Бычковский Вениамин Николаевич родился в России, в Уфе. С 1995 г. проживает в Беларуси.

Творческие пристрастия – литература и краеведение. Член Союза писателей Беларуси и Интернационального Союза писателей. Лауреат конкурса «Золотое перо Руси», лауреат Общества любителей русской словесности имени Л. Толстого, обладатель гран-при журнала «Российский колокол», дипломант Международного конкурса имени А. Платонова, лауреат второй премии в Международном Тютчевском конкурсе, кавалер Международной медали имени Адама Мицкевича. Изданные книги: сборник рассказов «Печальник» (1995), сборник стихов «Звонарь» (1997), сборник прозы «Следы по кругу» (2015); публиковался в журнале «Лауреат», в сборнике «Светлые души» Всероссийского конкурса имени В. Шукшина, в альманахе «Российский колокол».

Как краевед, изучает прошлое Полесья: создал два музея, разработал ряд экскурсий, построил часовню-памятник. Награждён православной медалью преподобномученика Макария, игумена Пинского и медалью «За личный вклад в сохранение памятников военной истории».

*Увидеть мир в песчинке и небеса в полевом цветке, удержать
беспредельность в ладони и вечность в одном часе...*

Уильям Блейк

Секрет

С художественного совета Алексей Астахов вернулся сам не свой. Опять его живопись вызвала споры в правлении Союза художников, и результатом стал отказ Алексею представлять Башкирию на выставке в Москве.

Как оказалось, этому способствовала последняя персональная выставка Алексея, вызвавшая споры как среди художников, так и среди искусствоведов. Самый авторитетный искусствовед и критик Олег Авдеев ещё на открытии выставки высказал своё мнение прямо в глаза Алексею: «То, что ты творишь, бесспорно, талантливо, но с каждой выставкой ты всё глубже погружаешься в мрачность и синеву».

Алексею было странно слышать это из уст человека, которого не смущают чёрные квадраты и цветовые вспышки художников-авангардистов, и он не придавал особого значения «авторитетному» мнению. Только через день он прочитал в газете рецензию другого критика, в которой говорилось: «Талантливый и признанный художник Алексей Астахов и на этой выставке имел успех у публики, но в его работах было не всё так однозначно, если прислушиваться к мнению председателя Союза художников Салавата Ахметова...» И дальше Салават сел на своего «коня» и понеслось словоблудие вокруг национальной живописи. В другой газете Игорь Переверзев, который после бокала шампанского на фуршетке обнимал Алексея, вдруг пишет откровенно заказной отзыв о выставке как о неудачной. Алексей ждал ещё один комментарий точно с таким же неприятным чувством – от заслуженного художника республики Анвара Хакимова, потому что, если по правде, тому давно надо было дать по одному месту коленом, а его почитали как крупнейшего художника. А в общем, тема известная для всех творческих Союзов, когда бездарного могут сделать «заслуженным».

«Удивительные люди! – вертелись мысли в голове Алексея. – Прощают предательство, но не прощают независимости».

И подтверждением этому стало заседание Союза художников, где большинство членов вычеркнули его из списка участников выставки в Москве. В итоге все события последнего времени выстроились в голове Алексея в какую-то спланированную миссию против его творчества.

Правда, в эти же дни в его мастерской появлялись друзья, знакомые, и каждый, поздравляя его с выставкой, старался не касаться решения Союза, хотя все уже знали об этом, и в хвалебных речах гостей угадывалась какая-то недосказанность, а в глазах читалась если не ложь, то сомнения. А теперь и его самого стали одолевать сомнения: «Может, и вправду надо что-то менять в своей живописи?»

Он перебрал свои наброски, рисунки, просмотрел папки с новыми этюдами, развернул к стенке незаконченные работы – всё казалось бессмысленным в настоящее время... «А другого времени может уже и не быть», – подумал Алексей.

Всю следующую неделю Алексей не рисовал. Он молча сидел в мастерской с одной мыслью: «Что делать дальше?» И тогда к нему пришло решение – всё бросить и выехать из города. Хоть что-то поменять в окружающей обстановке, пусть и на время. Тут он вспомнил предложение самого надёжного друга Ивана – отдохнуть в деревне его родителей. Деревня находилась в сказочном месте, где были все прелести Южного Урала: лес, горы, горная река!

Алексей и раньше бывал там, ещё при жизни родителей Ивана, но в последние три года он не выезжал туда. Алексей позвонил Ивану, после чего стал собираться в деревню.

На следующий день к вечеру Алексей с Иваном были уже в деревне. Во дворе и в доме было всё по-прежнему, только большая комната напоминала теперь мастерскую. Вдоль стен стояли подрамники с натянутыми холстами, подготовленные к работе; у окна стоял мольберт; стол был заставлен гуашью, коробками с тюбиками красок, а украшением стола был большой

глиняный кувшин, из которого, как цветы, торчали кисти всех размеров. По всему было видно, что Иван не забывает родительский дом.

Но сейчас Иван спешил в город, поэтому, переночевав и обговорив с Алексеем хозяйственные вопросы по дому, рано утром уехал. Попрошавшись с ним у калитки, Алексей не стал возвращаться в дом, а решил прогуляться за деревню, где прямо за домами возвышался крутой склон, по которому разбегались в разные стороны большие сосны. Алексей сразу вспомнил одну из лучших картин Ивана, где он запечатлел именно этот склон.

«Да, здесь есть что рисовать!» – отметил Алексей, сворачивая из проулка на главную деревенскую улицу. И всё же своих планов – отдохнуть от живописи, от людей, от города – он не поменяет, настраивал себя Алексей. Он просто будет лазить по склонам, ходить к речке, рыбачить, гулять по лесу... Он очень устал от города, устал от работы и беготни – безумно устал, устал снаружи и изнутри. Возможно, это и называется отчаянием? Всю эту усталость надо быстрее сбросить с плеч и с души. Хорошо бы сбежать, как в детстве, с высокого склона и почувствовать себя беззаботным мальчугом.

Он шёл по главной улице в сторону склона. Но шёл не по асфальтовой дороге – вероятно, единственной в деревне, – а тихо шагал по тропке вдоль забора. Он боялся разбудить деревню: на улице ни ветерка, ни шума, земля мягкая-мягкая! Скоро она совсем пропитается солнцем и будет пахнуть свежее испечённым хлебом! От деревни всегда исходит тёплый запах. А ещё деревня вызвала в нём глубинное чувство нежности и сладкой грусти. Видимо, от матери он унаследовал тоску по деревне и с годами всё острее реагирует на деревенский воздух. Вот и сейчас его сердце учащённо забилося, он стал глубже дышать и ко всему тянуться. Он увидел глиняный горшок на заборе и приостановился, чтобы лучше разглядеть его. И вдруг ясно осознал, что смотрит на горшок таким же слепым взором, как и горшок «смотрит» на него.

«Как же я рисую, если не вижу главного? – задумался Алексей, глядя на горшок на заборе. – Смотрю на горшок и не чувствую его глины, не ощущаю его глубины? Точно из него выплеснули не только скисшее молоко, но и всё прошлое. Мало того, посадили на кол, как деревенского колдуна...»

Он пошёл дальше по улице, а слепой горшок, и на колу не потерявший колдовской силы, не покидал его мыслей. Не будет колдунов – не будет сказок, а не станет сказок – исчезнут и деревни... С давних времён у наших дедов были дома из смолистых брёвен, которые уже тогда плакали смолой на солнце, как будто знали, что им недолго осталось оберегать крестьян; были колодцы с журавлями, которые так и не смогли утолить жажду людей; была крестьянская одежда свободного покроя, чтобы человек не чувствовал себя стеснённым ни в работе, ни в отдыхе – и всё это было бесконечно большим, бесконечно близким! Почти каждая вещь была чудесным сосудом, из которого они черпали нечто духовное про запас. А что у него в сердце про запас? Только детство.

Алексей был из рабочей семьи, мать была маляром на стройке, а отец... Об отце он ничего не знал. Он даже фотографии отца не видел. Мать не хотела вспоминать его. Только однажды отец появился, когда Алексею было лет десять. Отец заходил поздравить его с днём рождения, но Алексей не запомнил его. Зато хорошо запомнил подарок – большую красочную книгу «Гербы и флаги СССР». Книга не сохранилась, но в памяти отпечаталась гербовой печатью! А заодно узаконила его отчество – Николаевич. Но в метриках в графе «отец» так и остался прочерк.

По поводу того, что он рос без отца, особенно не переживал, даже находил в этом преимуществе – был предоставлен сам себе. Мать с утра до вечера работала, и часто без выходных, а он целыми днями пропадал на улице и от одиночества не страдал. И вообще, в одиночестве чувствовал себя комфортно. Бабушек и дедушек у него не было, а с дальней роднёй не встречались. Да мать и не любила застолий, была замкнутой и подруг не имела. Он привык к молчанию матери. Только со временем он понял, почему мать одинока и замкнута.

Родившись в год начала Первой мировой войны в белорусской деревне, где-то у границы с Польшей, она по воле войны стала беженкой и оказалась в Уфе. Но на самом деле беженцами называли тех людей, которых насильно выселяли из деревень, находившихся на линии фронта. Их, как скот, загружали в товарные вагоны, где не было даже отхожих мест, и загружали в таком количестве, что не было возможности даже присесть, а лежали по очереди. Сотни эшелонов, набитые крестьянами, двигались на Урал, Поволжье, и до мест назначения везли неделями, и на каждом полустанке выгружали умерших от болезней и голода людей. До конечных станций добиралось не больше половины загруженных в вагоны. Выгружали людей в необжитых местах, где опять же надо было бороться за жизнь, то есть копать землянки, искать пропитание. Выживали только те крестьяне, которые объединялись в такие общины, где сохранялись связи ещё родных деревень. Поэтому, кому удалось выжить, хранили в душе эту трагедию и жили с чувством обездоленности, обиды, грусти. Мало того, после войны у мамы родных в Белоруссии не осталось, так и прижилась она в чужом городе, но горожанкой не стала. К тому же она была неграмотной и сильно стеснялась этого. Её душа явно томила в городе, но одной ей было не под силу изменить свою жизнь. Так и маялась она в городе до конца своих дней. А её молчаливость стала семейной чертой и перешла к Алексею. А если к этому добавить тишину в их доме, то можно легко представить ту среду, в которой Алексей вырос.

Пожалуй, никто так не повлиял на его характер и привычки, как Тишина. Она была главной в его воспитании. Никому и в голову не могло прийти, что рядом с ним есть няня с тишайшей душой, с которой он не чувствовал себя одиноким. Пусть он не видел её лица, даже тени не видел, но он всегда чувствовал её присутствие. Иногда ему казалось, что она держит его за руку и говорит: «Это я, не бойся». И сомнений не оставалось: это она! Она вокруг игрушек, ручных вещей... Только в объятьях Тишины он чувствовал себя в безопасности. И, когда что-то прошуршит по стене, когда заскрипит половица, прозрачная на свету, Тишина улыбалась, улыбалась испуганному лицу Лёшки, оставляя страшное позади, заслоняя его собою. К тому же она была снисходительна ко всем его забавам и капризам, прощала все проступки, о которых знали только они двое. Алексей не стеснялся при ней расплакаться: она могла унять любую боль. А став подростком, он оценил и другие её достоинства: всегда спокойна и уверена в себе, всегда в том возрасте, когда очень нежна и нет морщин. Поэтому, став юношей, он просто влюбился в Тишину и уже сам боялся потерять её. Она всегда была рядом: то прямо за спиной, то у самого сердца. Иногда он даже чувствовал её дыхание на своём лице и нередко, стесняясь, отводил глаза в сторону или озирался, как будто боялся свидетелей их отношений. К тому времени он разделял с Тишиной первые любовные мечты, а позже – и бессонные ночи. И так привык к ней, что не мог обходиться без неё, даже став взрослым. Поэтому поселил её в самом сокровенном месте – в своей мастерской. И с тех пор мастерская стала надёжным островом Тишины в шумном мире. Здесь царила Тишина, которая если и уступала свой трон, то только на время и только музыке. И неудивительно, что Тишина стала его тайной возлюбленной. И, когда он возвращался в мастерскую, Тишина нежно обнимала его и быстро успокаивала. В его жизни она была самой верной, и он не допускал даже мысли, что может расстаться с ней.

Конечно, Алексей не подозревал, что через любовь к Тишине он навсегда обречён на страстные нескончаемые поиски похожей любви, а полюбив женщину, он каждый раз требовал столь многого, что разочарование было неизбежно. Попробуй отыскать женщину с достоинствами Тишины! Но это можно понять сознанием, а сердце всё равно искало Её. А страх упустить чудо делал его непостоянным в любви, и в результате он опять попадал в объятья Тишины.

Вот уже десять лет, как он оставил семью. Живёт в мастерской и по-прежнему очарован Тишиной. А в последние годы стал дорожить этим странным союзом как основным источником образов и фантазий для творчества. «Самое важное увидеть нельзя, можно только услышать», – стало почти девизом для него. И стоило Тишине только коснуться его слуха, как он

сразу ощущал присутствие какого-то особого мира и тотчас же бессознательно перестраивался, чтобы его воспринять. В Тишине он слышал вечность.

Но сейчас Тишина осталась в доме Ивана, а Алексей шёл на шум горной реки, которая, по мере приближения его к склону горы, всё сильнее издавала шум, очень похожий на бурные приветствия воды и камней. Алексей не меньше радовался встрече с рекой, он уже искал удобное место, где можно подойти к самой воде, чтобы умыться в горном потоке. После чего взойти на мостик, чтобы перейти на сторону склона, где его ждали любимые сосны, над которыми стояло благословляющее солнце.

Когда Алексей поднялся на склон, свежесть от горной реки уже прошла, и ему стало жарко. Утреннее солнце припекало всё сильнее. Над склоном плыли величественные облака. Однажды в детстве он испугался точно таких же облаков: это случилось летом на даче, где он впервые увидел таинственный мир природы. Сказочный лес, ветер, шумящий в ветвях деревьев, – и вдруг огромные облака, закрывшие солнце, так сильно напугали его, что Лёшка расплакался от страха. Зато от цветочных полей он пришёл в восторг. Но ещё большую радость он пережил, когда увидел ковыль на склонах. Рыжий ковыль разбегался по склону во все стороны: то кружился на склонах холма, то волнами поднимался к самому верху, а потом сбегал вниз, да так быстро, что легко обгонял Лёшку. Обгонял и как будто шептал: попробуй догони, догони! Лёшка летел вниз, но обогнать ковыль не удавалось.

Многое забылось из детства, а миг наивысшего счастья от ковыля на склоне запомнился. Прошрое не всегда тянет назад. В нём есть вершины, с которых мы несёмся в будущее. И сейчас, стоя на вершине холма, Алексей вдруг резко сорвался с места и своим движением прорвал мягкий, тягучий воздух летнего утра – он бежал со склона вниз.

Возвращался Алексей в дом Ивана по той же улице. Деревня к тому времени проснулась и наполнилась звуками деревенской жизни. Проходя мимо забора с горшком, он опять взглянул на него и остался доволен: горшок как будто ожил и даже улыбнулся ему. Прозрел! Но прежде он сам прозрел, когда поднялся на высокий склон и дотянулся до самых первых воспоминаний из детства. А там и солнце осветило его жизнь до сокровенных вершин! И он так воодушевился высотой и светлыми воспоминаниями, что, сбежав со склона, готов был и дальше бежать. И, когда он шагал сейчас по деревне, его сердце подпрыгивало от всякой встречи. Так, проходя мимо магазина, он увидел под ногами фантики от конфет и сразу вспомнил детские «секреты» из фантиков. Ему тут же захотелось незаметно собрать их, чему он улыбнулся. А ведь и в детстве он таился... В «секрет» играли только девчонки, и ему приходилось тайно делать свои «секреты». Иначе пацаны во дворе просто засмеяли бы. Но отказаться от этой игры было выше его сил.

Вот и сейчас им овладело то же чувство, только теперь он не стал таиться, а остановился у магазина и, как мальчишка, стал подбирать фантики прямо из-под ног. Конечно, ради «секрета» он мог бы и конфеты купить, но ему не хотелось нарушать правил игры, где изначально всё построено на поиске красоты. И сейчас он сразу выделил несколько ярких фантиков из тех, что собрал. Шагая дальше, он уже не мог оторваться от фантиков в руках и, перебирая их, мысленно складывал из них «секрет».

Неожиданно его остановила маленькая старушка в ослепительно-белой косынке:

– Здравствуйте, добрый человек! Думала Ивана попросить, а он так быстро уехал, что я не успела. Может, я вас попрошу?.. А то мне прясть нечем. И мужчин в деревне не осталось, чтобы починить...

Он слушал и не понимал, что же хочет от него старушка, пока не посмотрел на её изношенные руки, из которых медленно поднималось старое, длинное веретено. Оно росло и росло, и длилось это очень долго, покуда не стало видно обломленного конца на нём и абсолютной нищеты, из которой веретено выросло. Он смотрел и не мог понять, почему эта сцена так ужасно на него действует; у него было такое чувство, будто перед ним разыгрывается судьба

этой старушки, долгая судьба, и страшно трагическая... Он едва пришёл в себя от мистики и тут же сообразил, в чём дело:

– Конечно, бабушка! Сегодня же сделаю и сам занесу вам. Только подскажите, какой дом?

– Да я недалеко от вас живу, через два дома. И мой дом сразу узнаете – такой же дряхлый, как и я...

– А как вас звать?

– Анастасия Марковна.

– Красивое имя!

– Только и остаётся красоваться именем.

– Ну что вы! Вы же красавица! С вас такой портрет можно написать, что другие ещё позавидуют!

– Иван рисовал меня. И даже повесил мой портрет на какой-то выставке...

И тут Алексей вспомнил этот портрет. Действительно, он выставлен в городской галерее. Только на том портрете старушка выглядела декоративно приукрашенной, чего не скажешь о ней сейчас.

– А хотите, я нарисую вас и оставлю портрет вам?

– Уж и не знаю, нужен он мне или нет.

– А давайте сговоримся: я чиню вам веретено, а вы соглашаетесь на портрет.

– Хитёр! Да ладно! Только сперва веретено сделай. Вот ведь как разговорил меня, я даже на «ты» перешла... А имени так и не знаю.

– Алексей.

– Да как-то неудобно без отчества, хотя с виду ещё молод.

– Да какой там молод... Сорок пять. В общем, зовите Алексеем.

Пока они говорили, веретено так и торчало из одиночества этих уставших рук, которые тихо дрожали. Казалось, её руки так и будут дрожать, пока он не возьмёт из них надломленное веретено, как надломленную судьбу, в свои руки, чтобы как можно быстрее починить, иначе вслед за сломанным веретеном может так же порваться нить её жизни. Он осторожно взял веретено из рук старушки и на какое-то мгновение сам почувствовал дрожь в руках.

Старушка осталась довольна новым знакомством и пошла в магазин. А Алексей поспешил к дому. Он уже знал, что не только починит старое веретено, но и сделает новое. Сделает из затёртой большой кисти для живописи, которую видел в кувшине на столе.

Он шёл, держа в одной руке фантики, а в другой веретено – в одной руке детство, в другой старость. Старость была тяжелее, может, поэтому и думал он о старушке: «Зачем она продолжает теревить шерсть и спрядать её в нить? Задумала связать носочки или рукавички для внучат... Так и тянется её нить жизни. А не станет старушек, умеющих прясть её, – и деревни не станет. Останутся города, в которых жизнь рваная-рваная... Стоп! О городе никаких мыслей!»

Алексей вспомнил о своей установке – город забыть – и вернулся к фантикам. Он уже планировал, где можно будет во дворе Ивана спрятать «секрет». И, войдя во двор своего нового пристанища, он быстро нашёл укромное местечко в саду, напоминавшее ему сквер, где в детстве делал «секреты». Потом отыскал в доме горсть цветной мишуры, в сарае нашёл подходящее стекло, правда не цветное. При этом Алексей так волновался, точно готовился к работе над новой картиной. Особенно его растрогала ямка для «секрета»: разгребая землю руками, он ощущал холодок в глубине. Когда же он закончил таинство в земле, то оценил «секрет» как новое достижение в своём творчестве. Он долго стоял и смотрел на мозаику «секрета», а сознание рисовало веретено, горшок на заборе, старушку в новом цветастом платке по случаю сеанса для портрета; его самого, сбегающего со склона в объятия родной матери...

С того дня Алексей завёл порядок: каждый день вставать до рассвета и идти за деревню к склону горы и горной реке. И уже на следующий день, стоя на берегу реки при восходе солнца, он зарисовывал гладкие камушки, поблескивающие на берегу, влажную отмель, на которой

выразительно смотрелись вынесенные на берег кучки листьев, бурелома и хвои, показывающие, как резко понизился за ночь уровень воды, точно река сделала выдох. Было прохладно, но он не чувствовал этого: его согревала работа над набросками.

Он любил рисовать фрагменты, через которые постигал ландшафт во всех его видах, и всякий раз не уставал удивляться тому, какое множество форм обнаруживалось при этом даже в тех местах, которые на первый взгляд казались пустынными. Кроме того, перенося на бумагу рельеф той или иной местности, он максимально приближал к себе эту местность и потом с чистой совестью мог сказать себе, что действительно побывал там. А ещё случалось, что красота была больше него и не вмещалась в него, как бы он этого ни хотел – по всем меркам был мал для неё! И тогда оставалось довольствоваться каким-то фрагментом, частью или даже частицей от всей красоты.

Через день перед ним лежали первые наброски портрета старушки, и он уже не помнил своей установки – не рисовать в деревне. Он даже стал думать о темпере. Ещё когда Алексей учился в институте, один из педагогов утверждал, что для изображения лиц молодых людей лучше всего подходит бледный желток яиц из городских магазинов, а для рисования лиц пожилых и смуглых людей лучше подходят более тёмные желтки деревенских яиц. В общем, он так загорелся желанием написать портрет, что ещё с вечера сделал подрамник, натянул холст на него, а с утра взялся грунтовать. Он грунтовал холст и невольно вглядывался в сплетения нитей на нём. Странно, что прежде он не разглядывал холст, а спешно наносил краску, следя только за тем, чтобы ровнее легли белила. А сейчас он видел сплетение нитей как под лупой и легко находил на холсте даже узелки. Оказывается, и здесь не обошлось без разрыва нитей. Тут он опять задумался о героине портрета. Он вспомнил старый дом, в котором живёт бабка. Уже много лет живёт одна и, похоже, привыкла к этому. Перед домом забор, который, кажется, от ветра может повалиться, старый сад, на деревьях которого и яблок почти нет: не вызревают от холода или от старости. Только в доме тепло и уютно. Уютно от порядка и цветастой вышивки: цветы на рушниках и салфетках, на скатерти и на постели... цветы украшают весь дом. И на скамейке у окна корзина с цветными клубками, из которых торчат два веретена, новое и старое. Старое чуть короче нового, но тоньше и изящней от долгой работы. Под стать старому веретену была и сама хозяйка. Вероятно, также от работы. А ещё от горя. Хоть война сюда не дошла, но и здесь отметилась похоронками.

«Тридцать человек не вернулось с войны в деревню, – рассказала старушка, – среди них был и мой Пётр».

Особенно его тронули последние слова из рассказа старушки: «Погубив мужа, война и меня почти калеккой сделала, ведь из одного горя выросло другое: осталась одна и без детей. Так и живу с чувством вины и грустью: виновата перед мужем, что жива, перед Богом – что без детей. Правда, с годами грусть послабела, но не прошла».

«А ведь и моя мать жила с чувством вины и грустью», – вдруг подумал Алексей. А если вдуматься, то и он живёт с таким же чувством – виноват перед женой и грустит по дочке.

Вот и сейчас что-то шевельнулось в душе – любовь к дочке... Он охраняет это, как детство своей души, особенно когда они встречаются. И как не хватает дочки сейчас, в момент его игры! Хотя он понимает, что игра в «секрет» ей может показаться примитивной и смешной, но в его жизни эта игра сыграла решающую роль. Он часто вспоминает свои детские «секреты» и всякий раз поражается сходству этой игры с работой над картиной. Например, образы и сюжеты картин отбирает, как «фантики», – в окружающих людях, предметах, – и всё это складывается в его голове в какую-то мозаику, которую он переносит на холст. А в процессе работы над картиной его сознание отбирает что-то очень важное, яркое, и под синим стеклом его мыслей всё становится как бы на месте, чтобы можно было назвать этот «секрет» законченной картиной. А ещё через эту игру он понял, что прошлое знает не больше, чем будущее. Что он знает сегодня о своём будущем? Да ничего. А сейчас, оглядываясь назад, ясно видит, что

всё далёкое и детское перенеслось во взрослую его жизнь и внутренне совершенно не изменилось. Более того, тогда он был совершеннее и способнее к творчеству: он прямо из карманов доставал любой цвет и творил с ним всё что угодно! Удивительно, но из этой импровизации почти всегда получалось чудо, которое восхищало до глубины души.

Правда, и сердечные раны в детстве также были глубоки.

Однажды на месте «секрета» он обнаружил полный разгром: всё было вывернуто и затоптано, а любимое синее стекло, которым прикрывался «секрет», было разбито на мелкие кусочки. От безысходности и горя он заливался слезами и, собирая осколки, сильно порезал палец. И уже на следующий день его палец загноился и распух. Мать срочно отвела его к врачу.

– Ну ты даёшь! Так и без пальца можно было остаться, – с укором заметил доктор.

Затем мать долго лечила его палец. И, когда повязка не получалась или упрямо сползала, мать говорила:

– Чёртов твой палец...

Таким образом, она ещё в детстве заглянула в его будущее. А может, нечаянно и направила в сторону живописи? Поскольку, когда он стал художником, его стиль не раз называли чертовщиной. Прежде всего людей раздражала чрезмерная синева в его картинах: многие зрители находили в них какую-то мрачность и подавленность.

Порой ему и самому казалось, что на его полотнах уж очень сильно пробивается густая синева. Но он ничего не мог поделать с этим. Точно кто-то подмешивает ему краски – и, какие бы краски он ни брал на кисть, на холсте проявлялась синева. И тогда он в тысячный раз вспоминал синее стекло, которым прикрывал свои детские «секреты».

Видимо, что-то очень важное случилось в тот день, когда он увидел стекло разбитым – как будто целый мир лежал разбитым перед ним. Переживания тех дней были настолько сильны, что разом изменили его взгляд на всё вокруг: он стал смотреть на мир сквозь синее стекло своих переродившихся голубых глаз. Вероятно, поэтому, став художником, он стал больше отражать недостатки человека, чем его красоту. Нередко через иронию и юмор он показывает пошлость в отношениях людей. Правда, его стиль не признают маститые художники. Только один Иван, которому он доверяет как себе, поддерживает его:

– Брат, да ты счастливый человек! Смотришь на серую жизнь, а видишь её в цвете! А остальным хватит и тех волнений, которые вызывают твои «синяки» в рамках. Ведь самое главное, о чём человек думает – о синяке под глазом или о синеве небес... А мрачность? Так и по небу тучи гуляют...

И Алексей не раз пытался объяснить свой принцип в живописи:

– Темнота, которую мне приписывают, незначительна и прозрачна по сравнению с той, которую я вижу вокруг. И моя нечистая синюшная совесть нашёптывает мне, что только тот, кто ничего не ищет, никогда не оказывается впотьмах. Людям нравится только то, что им известно. Но я заглядываю вглубь себя и нахожу, что никогда не бываю уверен в том, что действительно понял нечто, усвоенное моим умом без усилия. Я не доверяю словам, ибо малейшее размышление показывает, сколь нелепо это делать. Я ограничиваюсь тем, что выбирает моё сознание: это единственная возможность создать из мгновения и самого себя понравившееся сочетание. Через это и мрачность в моих работах. А точнее сказать, тревога. Но человеческий ум, не любящий тревоги, пытается объяснить причину и следствие, найти посредствующие звенья. И находит, и на время побеждает тревогу. Но только на время. Тревоги из жизни не выгонишь. Она подстерегает нас на каждом шагу, она тайно проникла в наш мозг, а он в свою очередь стал отвергать всё «сверхъестественное». И с этой никогда не умирающей и всё растущей тревогой каждому человеку приходится справляться в одиночку, и ещё скрывать её от людей. Может, так и нужно? Моя же тревога проступает в живописи. О синеве сказать сложно и просто: синий – самый глубокий из цветов, но проникнуть в синий – освободиться от плоти...

Алексей и сам понимает, что нельзя играть с худшим, что есть в человеке. Но он и над собой надсмехается, когда рисует. И потом, говорить об этом серьёзно, на его взгляд, просто глупо. Художнику нельзя взрослеть, он должен смотреть на мир глазами ребёнка и до последнего верить в то, что за каждым поступком человека кроется детский «секрет». В человека всё закладывается в детстве. Взять хотя бы его главный «секрет»: на глубине его переживаний и чувств положены молчаливость матери, воспитание Тишины, капризы времени. Сверху он кладёт своё всё самое яркое и блестящее: картины, образы, лица людей, одухотворённые вещи... и всё это прикрыто, как стёклышком, синевой его глаз. И недалёк тот день, когда и его, как детский «секрет», прикроют землёй. Со временем его «секрет» потеряют и забудут. И будет о нём помнить только Тишина, но она никому не скажет. И какое это счастье – навечно остаться «секретом» в земле! А не какой-то кучкой тряпья с безликой маской.

Час пик

Фразу «час пик» Алексей впервые услышал в семилетнем возрасте, когда погиб его восемнадцатилетний старший брат по материнской линии. Это был несчастный случай: во время давки в вагоне трамвая брата столкнули или он сам упал с подножки вагона на полном ходу. Весть о несчастье встретила Лёшку во дворе, когда он вернулся из школы. Тогда же кто-то из соседей сказал: «В час пик люди просто звереют! Бедный Володя...»

Во время похорон Лёшка опять услышал эту фразу, после чего она уже навсегда врезалась в его память. И с того времени в этом словосочетании ему чудилось всё самое страшное, что может произойти с человеком в городе. А дальше детское воображение рисовало огромные страшные часы, по звону которых с проводов трамвая летели в людей смертельные искры, сотни искр! И одна из них убила его брата.

Это событие стало первой сознательной встречей со смертью, после которой настоящее превращалось в прошлое. Тогда он ещё не осознал, но уже почувствовал, что именно после ухода близкого человека остаётся невосполнимая пустота. И когда слышал фразу «час пик», то невольно вспоминал случай с братом, и от этих слов ему становилось ещё больнее. Иногда казалось – да это всё вздор, но ведь этот вздор – его жизнь, и зачем же он чувствует её данной – чтобы всё бесследно исчезало? Может быть, и впрямь всё пустяки. Однако оттого, что брата не стало, для него как будто весь мир опустел, стал бессмысленным, и ему в нём теперь так грустно и так одиноко. Как же пустяки, когда оказалось, что он любит, – да и всегда, очевидно, любил. Всё в мире как будто по-прежнему, как всегда, и все свободны и счастливы, а брата нет. И всегда вспоминает прощание: была зима, рядом с процессией вдоль дороги на кладбище бежала бочком какая-то скромная, чем-то своим озабоченная рыжая собачонка; брата несли в гробу, а он уже был где-то там, в бесконечной пустоте... Как мучительно мешалось с братом всё, что он видел и переживал в тот странный, печальный день... Потом холод у могилы, с пронизывающим ледяным и буйным ветром.

Похоронили брата рядом с бабушкой, которая до двух лет не спускала Лёшку с рук, а потом незримо передала его Тишине. Но не оставила внука без присмотра: до сих пор приходит во сне и нередко вразумляет каким-то чудесным образом.

Алексей никогда не забудет один сон, который напрямую был связан с его переездом в Беларусь...

Но прежде было десять лет скитаний по горным районам тогда ещё Советского Союза. В то время Алексея влекло одиночество и в нём жила любовь к пустынным, тихим местам. Он шёл за природой и прислушивался к ней, а она указывала ему те места, где он должен жить. Он был посвящён в язык природы и без труда повсюду ловил чудный звук её речей: и куст, и дерево, и полевой цветок, и скала, и воды – все подавали ему таинственную весть, священный смысл которой он постигал сердцем и старался зримо выразить это постижение в своих дорожных набросках и рисунках. Вместе с этим в его метаниях по стране накапливались новые страдания и новая вина. И каждый раз этому предшествовали ужасная пустота, смертельная скованность, изолированность и отчуждённость, и в этой адской пустыне равнодушия и отчаяния вдруг снится сон.

...Идёт навстречу бабушка и встречает словами: «Ну что, внучек? Соскучился?.. Решил поведать меня? – слышал он ласковый голос и видел её красивой-красивой. – Знаю, что не всё ладится у тебя. Оставь всё и переезжай на родину предков, там ждут тебя...»

Тот сон поразил его. С него начались смутные, не связанные друг с другом воспоминания детства. Точно и в сновидениях жил он без возраста. И вот оно, первое сновидение у истока его дней. Ранее нет ничего – пустота, несуществование. Ни его сердце, ни его разум никогда

не могли и до сих пор не могут примириться с этой пустотой. Но, покоряясь неизбежности, он принял за начало своего бытия тот удивительный сон и связанные с ним поступки.

Мысль и решение ехать в Беларусь пришли одновременно: собственно, мысль сразу и явилась как решение. И всё встало на свои места, тоска превратилась в тревожное ожидание встречи, а желание новой жизни вернулось с почти что прежней своей остротой.

Поселившись в Полесье, Алексей больше не испытывал тоски; напротив, его охватила самозабвенная жажда бытия и какая-то почти животная потребность в исцелении землёй и водой. Способный погружаться в состояние тихой гармонии, как это бывает, когда человек находится во власти некоей радостной силы, он, сталкиваясь с очевидными фактами, знал, что такое потерянности, и был весь переполнен поиском форм, их зарисовкой за пределами ландшафта. И обыкновенно это происходило на берегу озера, в самом доступном месте со стороны деревни. В других местах озеро окружали болота и лес. А стоило немного отойти от озера, как в душу предательски закрадывался страх. Лес в этих местах суровый и первозданный. Заблудишься – и искать будет некому. Вокруг лесов на десятки километров болота, ещё более страшные для людей. Из путешествующих по Полесью туристов мало кто отваживается пройти километр-другой в глубь Полесского леса или болот. Но было ещё одно место, где можно было подступиться к озеру. Правда, оно находилось за озером, и туда можно было добраться только по воде или пройти по болотам вокруг озера. По этому пути он и отправился.

День был ясный, дождя не ожидалось. Преодолев самый трудный путь по болотам, он вышел на сухую возвышенность берега и шёл по лесу, но особого удовольствия не испытывал: мешали комары. Приходилось прятать не только лицо, но даже руки. «Болото, лес – рай для комаров», – думал он, а глазами искал желанный просвет в лесу. По его расчётам, лес скоро закончится, а там открытое пространство, прибрежный ветерок и будет меньше комаров. А пока надо терпеть. Ох и крепко кусают! Зато теперь он знает главных стражников Полесья – это комары!

Полесье сразу покорило сердце Алексея: сосновые леса, озёра и огромное поднебесье. Небо просто лежит на земле! И, вступая в туман, вступаешь в облако или в тучу, – это первое, чем подкупило его Полесье, и, любуясь природой этого края, он размышлял: «Небо огромным нимбом накрывает здесь землю, но земля не считает себя святой или избранной, скорее даже прячется в болотах или в лесу укрывается мхом. А может, эта скрытность земли – всего лишь страх? – Алексей задумался о сильных грозах в Полесье. – Раскаты грома здесь ложатся всей мощью на землю, а молнии одна за одной ранят её. А смиренная земля всё терпит. А может, очищается через огонь с небес? Или собирает энергию для каких-то нужд? Если земля Полесья не возьмёт на себя всё напряжение чёрных туч, то страшный огонь упадёт в другое место, и кто знает, что из этого выйдет? А что если Полесье – оберег Белой Руси? Ведь не случайно земля в Полесье с огромной исцеляющей силой болот и речек: все ранки здесь промываются чистой-шей водой, присыпаются искрящимся песком, бинтуются мягким мхом. И всё здесь приживается, растёт! А какая чистота! Нет запылённой листвы даже возле дорог! Растения – побеги трав и девственного леса – прорастают в небо! И яркая, нежная зелень, удивительная своей свежестью». Кажется, только здесь он рассмотрел глубину зелёного цвета и все его оттенки.

Это не тот зелёный цвет тоски, какого он избегал в своих картинах. А сейчас его ждал ещё более яркий цвет – жёлтый, который проступал сквозь редкие деревья прибрежного леса. Большой песчаный пустырь, на который Алексей скоро вышел, был окружён зелёным лесом, отчего показался ему большим рыжим островом, где всё подчиняется солнцу. Поля старой соломенной шляпы плохо защищали от палящего солнца, и он, уставший шуриться, опустил взгляд под ноги. Правда, и песок отражал солнечный свет, но не так жестоко, как небосвод. И вообще он солнцу не верил. Любил дождь. Стоило ему соприкоснуться с дождём, как всё его нутро наполнялось неизъяснимой радостью и волнением. Человеком дождя считал он себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.